

The 200th Anniversary of the Institute of Oriental Studies

К 200-летию Института востоковедения РАН

DOI 10.31696/2618-7043-2018-1-3-4-513-533
УДК 93/94

Обзорная статья
Review

VIII международная конференция «Письменные памятники Востока. Проблемы перевода и интерпретации»

Л. В. Горяева^{1а}, Н. И. Пригарина^{1б*}

¹ Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

^а ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4744-6005>, e-mail: goriaeva@mail.ru

^б ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1941-0467>, e-mail: prigarina@gmail.com

Резюме: в 2018 г. конференция «Письменные памятники Востока: проблемы перевода и интерпретации» (31.10.2018 – 02.11.2018) была посвящена 200-летию Института востоковедения Российской академии наук. На заседаниях было представлено более 40 докладов ученых из Москвы, Санкт-Петербурга, Уфы, Еревана, Тбилиси, Кембриджа, Лейдена, Лондона, Рима и Торонто. Все они были посвящены изучению классического наследия Востока – рукописей и предметов изобразительного искусства, фольклора, религии и мифологии. Этим объясняется растущая популярность ежегодно проводимой в Москве конференции, расширение ее тематического спектра и круга участников. Как и в предыдущие годы, организатором конференции стал Институт востоковедения РАН (Отдел памятников письменности народов Востока).

Ключевые слова: Институт востоковедения; интерпретация текста; источниковедение; Йусуф; классическое наследие; письменные памятники Востока; рукописи

Для цитирования: Горяева Л. В., Пригарина Н. И. VIII международная конференция «Письменные памятники Востока. Проблемы перевода и интерпретации». *Ориенталистика*. 2018;1(3-4):513–533. DOI: 10.31696/2618-7043-2018-1-3-4-513-533.

VIII International Conference “Written Monuments of the East. Translation and Interpretation Problems”

Liubov V. Goriaeva^{1а}, Natalia I. Prigarina^{1б*}

¹ Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

^а ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4744-6005>, e-mail: goriaeva@mail.ru

^б ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1941-0467>, e-mail: prigarina@gmail.com

Abstract: in 2018 the 8th International Conference “Written Monuments of the East. Translation and Interpretation Problems” (October 31, 2018 – November 2, 2018) was

* Авторы внесли равный вклад в эту работу.

** These authors contributed equally to this work.



dedicated to the 200th anniversary of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. At the conference sessions more than 40 papers were presented by scholars from Moscow, St. Petersburg, Ufa, Yerevan, Tbilisi, Cambridge, Leiden, London, Rome and Toronto. All of them were devoted to the study of the classical heritage of the East – manuscripts and visual arts, folklore, religion and mythology. This explains the growing popularity of our conference, year by year, its expanding thematic spectrum and range of participants. As in previous years, the conference's organizer was the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Department of Written Monuments of the East).

Keywords: classical heritage; Institute of Oriental Studies; manuscripts; source studies; text interpretation; written monuments of the East; Yusuf

For citation: Gorjaeva L. V., Prigarina N. I. VIII International Conference “Written Monuments of the East. Translation and Interpretation Problems”. *Orientalistica*. 2018;1(3-4):513–533. (In Russ.) DOI: 10.31696/2618-7043-2018-1-3-4-513-533.

Введение

Ежегодная конференция под этим названием, проходившая с 31 октября по 2 ноября 2018 г. в Москве, стала частью программы юбилейной конференции «Классическое востоковедение: источниковедение, архивистика, археология», приуроченной к 200-летию Института востоковедения РАН. Важность этой даты для науки о Востоке предопределила и размах самого события: на нашей «малой» конференции было представлено более 40 докладов ученых из Москвы, Санкт-Петербурга, Уфы, Еревана, Тбилиси, Рима, Лондона, Кембриджа, Лейдена и Торонто. Это веское подтверждение неослабевающего интереса исследователей разных стран к классическому наследию Востока – памятникам письменности и изобразительного искусства, фольклору, религии и мифологии.

Как и в предыдущие годы, организатором конференции стал Отдел памятников письменности народов Востока Института востоковедения РАН. Поскольку конференция проводилась в рамках постоянного семинара «Текстология и источниковедение Востока» (руководитель Л. В. Горяева), она приобрела большую популярность, и число желающих принять в ней участие заметно превысило двухдневный формат конференции. Пришлось предусмотреть дополнительный день – это позволило расширить не только круг приглашенных докладчиков, но и аудиторию слушателей.

Два первых дня работы конференции прошли в уютном и вместительном зале отеля «Будапешт». Завершающие сессии и подведение итогов состоялись непосредственно в Отделе памятников письменности народов Востока ИВ РАН (руководитель – В. Н. Настич). Круг участников и аудитория заседаний были отмечены широтой и разнообразием. За годы работы семинара и предыдущих конференций сложился коллектив



единомышленников, интересующихся проблематикой и методологией изучения письменных источников, а не только вопросами сугубо страноведческого характера. Конференция в очередной раз показала, что исследование первоисточников – магистральное направление академической ориенталистики, лучшие образцы которой снискали заслуженную славу отечественному востоковедению.

Отдельное заседание было посвящено тематической сессии «Образ Йусуфа (Иосифа Прекрасного) в литературах и искусстве Востока» (руководитель Н. И. Пригарина). Участники сессии представили визуальный иллюстративный материал, ранее неизвестный в науке, в частности, миниатюру, подаренную А. А. Ахматовой своему сыну Л. Н. Гумилёву, а также книжные миниатюры из британских рукописных собраний; в ряде докладов были предложены новые герменевтические подходы к трактовке классических текстов на избранную тему. Поддержку сессии оказал Фонд исследований исламской культуры им. Ибн Сины и лично его президент г-н Х. Хадави, благодаря чему появилась возможность расширить круг приглашенных докладчиков. Фонд также разместил в отделе выставку книг издательства «Садра», вышедших в свет за последние годы в сотрудничестве с ИВ РАН и другими научными центрами изучения Востока и ислама в России.



*Рис. 1. Мемориальный музей-квартира Л. Н. Гумилёва, Санкт-Петербург.
Фото А. В. Бондарева*

Fig. 1. Lev Gumilev Memorial Apartment-Museum, St. Petersburg. Photo by A. V. Bondarev



Обзор докладов и выступлений

По традиции первое заседание конференции открыл чл.-корр. РАН *В. М. Аллатов* (Ин-т языкознания РАН, Москва), отметивший роль классического востоковедения в эпоху глобализации, ответом на которую в ряде стран Востока стало возросшее значение традиционных социальных, культурных и религиозных институтов. Развитие этой темы предложил *Т. Атабаки* (Нидерланды) в докладе «От собирания древностей к истории: вклад советских историков в историографию Востока». Важная особенность творческого подхода наших соотечественников-востоковедов к изучению исторического и культурного наследия этих стран, подчеркнул он, – их стремление дать всесторонний анализ первоисточников, не навязывая читателю той или иной предвзятой концепции, не навешивая ярлыков.

В докладе *Р. И. Амирбекян* (Армения) «Общая характеристика коллекции иллюминированных арабографических рукописей Матенадарана» рассказывалось об истории этого прославленного фонда и о двух группах восточных рукописей, переданных Матенадарану в 30–50-х гг. XX в. и легших в его основу: одна – из бывшего собрания Дивана Армянских Католиков в Эчмиадзине, другая – из библиотеки бывшего Лазаревского института восточных языков в Москве. В последующие годы фонд расширялся и продолжает расти, причем хронология коллекции охватывает период с XIV до XIX в. Представленные в ее составе Кораны, его фрагменты и толкования, молитвенники, труды по философии, суфизму, математике, грамматике, медицине, астрологии, энциклопедии, словари, учебники, гадательные книги, талисманы, а также списки литературных и поэтических произведений наглядно демонстрируют кодикологические особенности рукописей, изготовленных в пределах региона, объединенного культурной общностью на базе исламской конфессии, – Ближнего Востока, Средней Азии, Османской Турции, Афганистана и Индии.

М. В. Бабкова (ИВ РАН) в докладе «Творчество Кокана Сирэна в контексте превращения чань-буддизма в дзен-буддизм» рассмотрела одно из самых влиятельных направлений китайского буддизма, которое к рубежу XII–XIII вв. практически вытеснило все остальные. К этому же периоду относится всплеск активных заимствований Японией из Китая различных достижений. Исследовательница сосредоточила внимание на некоторых этапах процесса превращения китайского чань-буддизма в японский дзен-буддизм и на роли, которую сыграл в этом японский наставник Кокан Сирэн (1278–1346). Его кисти принадлежит первая в Японии буддийская хроника «Буддийские записи годов Гэнко» (元亨釈書, «Гэнко сякусё»), в которую вошли больше 400 жизнеописаний выдающихся японских монахов. По мнению автора доклада, внима-



тельный взгляд на наследие Кокана Сирэна может позволить четче сформулировать, в чем именно состоял его вклад в формирование последующей японской буддийской культуры.

Свой доклад «Проблемы изучения наследия поэта-классика урду Мира Таки Мира (1723–1810)» Л. А. Васильева (ИВ РАН) посвятила творчеству одного из крупнейших поэтов урду, заслужившего титул «падишаха газели»: именно в этом жанре его творческая индивидуальность нашла наиболее яркое выражение. Она отметила, что подавляющее большинство исследований о его работах принадлежит носителям языка урду. Напротив, внимание, уделенное поэту западными учеными, далеко не соответствует значимости его творчества, а в отечественном востоковедении изучение наследия Мира практически застыло на начальной стадии в минувшем веке, и продолжение его представляется весьма актуальным. По мнению докладчицы, насущной задачей исследователей является восстановление основных фактов биографии Мира по имеющимся источникам, проверка их достоверности, а также выработка принципов отбора газелей Мира для анализа и подходов к их переводу с учетом особенностей языка поэта.

Преданиям о духах, традиционно почитаемых во Вьетнаме в рамках общинного культа, был посвящен доклад Е. В. Гордиенко (РГГУ) «Структура и содержание вьетнамских повествований о духах – хранителях общин (*тхантыть*) на примере повествования об Иет Киеу». Объектом внимания докладчицы стал один из таких духов – участник войн сопротивления китайско-монгольским нашествиям (XIII в.) по имени Иет Киеу. Перевод и исследование текста показали, что повествование об Иет Киеу имеет сложную внутреннюю структуру, отражающую этапы формирования данного сочинения и жанра в целом. Исследовательнице удалось выделить четыре фрагмента, объединенные в единый текст памятника в 1938 г. Это прежде всего наиболее древний пласт – восходящий к фольклорной традиции сюжет о волшебных способностях рыбака Иет Киеу. Позднее, в XV–XVII вв., происходит переосмысление фольклорного персонажа как героя партизанского движения времен китайско-монгольских нашествий. Затем, вероятно во времена редактирования текста в храмовой среде (XVIII–XIX вв.), в нем появляется предание о монгольской невесте Иет Киеу (дочери хана Хубилая). Наконец, в начале XX в. текст дополняется сведениями о праздниках в честь Иет Киеу, ритуалах и жертвоприношениях. Как подчеркнула исследовательница, *тхантыть* об Иет Киеу исследуется в российской науке впервые. Его анализ необходим для изучения религиозных традиций Вьетнама, а также позволит расширить круг источников для других вьетнамоведческих исследований.

Т. А. Денисова (ИВ РАН), представившая доклад «Имена и топонимы в судебных документах Лингги конца XIX – начала XX в.», рассказала



о коллекции документов шариатского суда, хранящейся в местном музее административного центра Даик (остров Лингга, современная Индонезия) и представляющей собой собрание судебных вердиктов, касающихся разных видов торговых актов, финансовых обязательств и имущественных споров. Она отметила, что данное собрание представляет особый научный интерес, поскольку источники, свидетельствующие об экономической деятельности и судебно-правовой системе Малайско-Индонезийского архипелага, редко становились предметом академического исследования. Дипломатический анализ документов позволил выявить общий формуляр документов, применяемый в делопроизводстве шариатского суда Лингги, классификацию имен как по этноконфессиональному признаку, так и по форме и составу имени, реконструировать социальный состав населения Лингги рубежа XIX–XX вв., в том числе этнорелигиозную принадлежность местных жителей. По наблюдению автора доклада, исследование топонимических элементов в антропонимике позволяет установить региональное происхождение людей и подтвердить наличие определенных миграционных явлений внутри архипелага.

Э. И. Введенская (независимый исследователь), автор доклада «Диалог рукописей в драматургии агиографии: цитирование произведений Рупы Госвами (драмы “Видагдха-мадхава” и “Лалита-мадхава”) в тексте “Чайтанья-чаритамриты” Кришнадаса Кавираджа Госвами», рассказала об использованном Кришнадасом приеме философско-творческого диалога основополагающих рукописных источников бенгальского вишнуизма. Автор труда достигает этим нескольких целей, актуальных как для средневековой Индии, так и для современных адептов бенгальского вишнуизма. Агиография Чайтаньи, представленная Кришнадасом, – один из немногих источников, знакомящих нас с историческим контекстом создания драм Рупы Госвами. Автор также вводит в пространство бенгальской культуры до тех пор недоступные санскритские труды по философии и религии. Как отметила докладчица, драматургическими вершинами агиографии стали цитаты из трудов Рупы Госвами. Они же приводятся в качестве незыблемых опор в системе философских доказательств и одновременно служат иллюстрацией к религиозно-эмоциональной кульминации жизнеописания.

Предметом исследования Т. А. Заглубоцкой (ИВ РАН) в докладе «Из литературной жизни эпохи Каджаров: о трех поэтах города Керманшаха» стала антология (*тазкире*) «Хадикат аш-шуара» («Сад поэтов»), отразившая панораму культурной жизни Ирана эпохи Каджаров, а также главы, посвященные литературной жизни Керманшаха в последней четверти XIX в. Автор *тазкире*, купец Саид Ахмад Диванбиги Ширази, объездил по купеческим делам множество городов, побывал в Тегеране, Исфагане,



Йезде, Фарсе, Ширазе, Нихаванде, Казвине, Куме, Бехбехане, Хорасане, Кермане, Керманшахе, Тебризе и др. Испытывая сильную тягу к наукам и поэзии, в каждом из своих многочисленных путешествий он старался знакомиться с выдающимися поэтами, учеными, суфиями, и всегда делал заметки, в которых пересказывал услышанные от них истории и стихи. В конце жизни он составил из этих заметок *тазкире*, в которую, в частности, входят краткие жизнеописания и образцы произведений около 1440 поэтов XIX в.

Е. М. Берзон (МГУ им. М. В. Ломоносова), выступившая с докладом «Вавилонский царский список эллинистического времени как источник по истории Селевкидов», прокомментировала некоторые вопросы, связанные с прочтением и интерпретацией одного из важнейших клинописных поздневавилонских документов – царского списка эллинистического времени. Были рассмотрены титулатура представителей династии Селевкидов, используемая в Вавилонском списке, а также формулировки о вступлении на престол или смерти того или иного царя. По ее мнению, различие формул вступления на престол на обверсе и реверсе царского списка обуславливалось не столько смыслом, сколько длиной строки. Что же касается констатации смерти, то употребление в тексте глагола *šagāšu* зависело не от самого факта убийства правителя как такового; он использовался только в тех случаях, когда царь был убит в результате некоего инцидента в ходе военной экспедиции за пределами своих владений. Также было показано, что слово *aplu*, выражаемое через знак A и чаще всего переводимое в «классических» текстах как «сын», в селевкидское время приобретает более общее значение – «наследник», который при этом не обязательно был сыном: чаще всего это слово употребляется применительно к представителям династии. Так следует переводить этот знак и в Вавилонском царском списке эллинистического времени. В целом исследуемый документ дает возможность прояснить многие вопросы хронологии и датировки правления Селевкидов, что не всегда позволяет сделать «классическая» нарративная традиция.

Доклад И. А. Зайцева (ИСАА МГУ) «К вопросу о классификации бирманских каменных надписей» был построен на анализе источников, принадлежащих к нескольким текстуально-смысловым группам. Это дарственные надписи; инвентарные списки; надписи, отражающие восхваление правителя; сведения о демаркации земель; надписи, свидетельствующие о купле-продаже движимого и недвижимого имущества; декларации прав на участок земли. Рассмотренные источники расположены в районах современных городов Тэда У, Ньяун У и деревни Миннанту. Классификация документов проводилась по двум главным критериям: предполагаемое время составления и информационно-содержательный признак. Автор доклада предложил расширить уже



существующую классификацию источников по информационно-содержательному признаку и добавить еще одну категорию документов: компилятивные надписи. По предположению исследователя, целью создания таких документов являлась демонстрация провенанса владения той или иной землей и механическое соединение различных документов в рамках одного архива.

С. А. Полхов (ИВ РАН), представивший доклад «Судебные тяжбы в княжестве Такэда (по материалам “Коёгункан”)», исследовал источник, причисляемый с оговорками к жанру *гунки моногатари* («военных повестей»), сформировавшемуся к началу XVII в. Как отметил ученый, эти материалы серьезно дополняют сведения документов дома Такэда, в которых содержится мало информации, касающейся княжеского правосудия в период Сэнгоку («воюющих княжеств»). Данные «Коёгункан» могут быть использованы не только для исследования судебной системы в уделе Такэда, но и для воссоздания представлений самураев о справедливом суде и законе в период Сэнгоку. Докладчик подчеркнул, что в «Коёгункан» в основном рассказывается о суде даймё и мало говорится о судебных прерогативах местных землевладельцев. Тяжбы из-за умаления чести, описываемые в «Коёгункан», не отражены в документальных источниках дома Такэда. Однако есть основания полагать, что подобные судебные разбирательства в уделе Такэда действительно происходили.

А. В. Привезенцев (независимый исследователь) в докладе «Разведка в письменных памятниках Древнего Востока» на основе анализа таких письменных источников, как «Артхашастра» Каутильи, «Трактат о военном искусстве» Сунь-цзы и «Шесть секретных учений» Тай-гуна, сделал попытку обобщить исторический опыт деятельности древних государств по организации разведки, который, по мнению автора, должен учитываться при государственном и военном строительстве в современную эпоху. Как показал исследователь, в государствах Древнего Востока существовала стройная система разведывательной деятельности, пронизывавшая все структуры древнего общества, что позволяло главе государства иметь оперативную информацию обо всем, что происходило в стране и за ее пределами. Авторская классификация категорий тайных агентов показывает, что последние активно воздействовали на положение дел в неприятельской стране: организовывали заговоры, убийства, провокации, диверсии, восстания; распространяли ложные слухи; устраивали вражеские коалиции; разжигали рознь между различными группировками знати. Для добывания разведывательных сведений подбирались специально подготовленные лица. Докладчик подчеркнул, что в государствах Древнего Востока принципы руководства агентами были детально разработаны и применялись на практике, а к организатору разведки предъявлялись особые требования.



В сообщении *О. А. Казакевич* (НИВЦ МГУ; ИЯ РАН; ИЛ РГГУ) «Предчувствие любви и смерти в традиционных личных песнях западных эвенков» речь шла о малоизвестном жанре устного народного творчества одного из народов Северной Сибири. Исследовательница рассказала об истории первых публикаций и аудиофиксации эвенкийских песен, начало которым было положено в XX в. С тех пор был издан ряд монографий, посвященных эвенкийской песне, как традиционной, так и современной, однако текстов традиционных эвенкийских песен опубликовано не так уж много. Регулярно издаваемые с 1930-х гг. сборники отражают по преимуществу «новую волну» – песни, созданные под влиянием отчасти русской, отчасти мировой традиции поп-музыки. Две песни, о которых шла речь в докладе, записанные в 1999 г. в с. Туруханск от Марии Фёдоровны Безруких (Курматовой), представляют собой редкое исключение. По жанру это традиционные личные песни, но не самой исполнительницы, а ее старших родственников. Первая – песня юной девушки, мечтающей о встрече с неведомым пока избранником, вторая – песня старика, предчувствующего скорую кончину. Докладчица проанализировала тексты этих песен, сопоставив их с песнями соседних сибирских народов, и рассказала о личности самой исполнительницы.

Тему песенного фольклора продолжил доклад «Рапануйский песенный метр: опыт описания» *Е. В. Коровиной* (ИЯ РАН). Она отметила, что в целом полинезийские песенные метры документированы достаточно хорошо, прежде всего – маорийский метр. Для других полинезийских традиций подобный анализ был проделан А. В. Козьминым, показавшим, что в прочих традициях песенные метры сильно отличаются по степени «расшатанности» от наиболее строгого маорийского или тонганского до значительно менее упорядоченного рапануйского. В ходе дальнейших исследований было установлено, что степень упорядоченности рапануйского метра весьма различается в зависимости от жанра, также существенно различается и средняя длина строки. Автор доклада предполагает, что в ряде случаев деление на строки при публикации было сделано до некоторой степени произвольно, о чем свидетельствует сравнение текстов песен с их нотной записью. В докладе был предложен анализ подобных случаев, сделана попытка формализации описания рапануйской песенной традиции и описания соотношения музыки и текста с точки зрения лингвистического стиховедения.

Доклад *Ф. Маишади Рафи* (ННГУ им. Лобачевского) «Хлебниковское обращение к терминам и понятиям зороастрийского учения в стихотворении "Видите, персы, вот я иду..."» продолжил цикл работ иранской исследовательницы, посвященных русско-персидским литературным связям. В нем рассказывалось об увлечении Велимира Хлебникова древнеиранским пророком и реформатором Заратуштрой, которого поэт считал своим духовным пра-двойником. Особый подход Заратуштры



к судьбе человечества и миру, выражающий «уверенность в возможности осуществления вековой мечты человечества о приходе Эры разделения Добра от Зла и об окончательной победе Добра», во многом перекликался с главной мечтой всей жизни Хлебникова – «мечтой о будущем человека, о бесклассовом обществе без порабощения человека человеком, о мире всеобщего равенства и свободы». Именно это ощущение, по мнению докладчицы, и стало основным стимулом для создания стихотворения «Видите, персы, вот я иду...» (1920), одного из так называемых «иранских» стихотворений Хлебникова. Данное стихотворение можно рассматривать как краткое содержание изречений Заратуштры, так называемых гат, так как оно содержит основные темы всех пяти гат: гата Ахунавайрйа, гата Уштаваити, гата Спента Маинью, гата Вохушатра, гата Вахиштоишти. Использование в нем терминов и понятий зороастрийского учения, с одной стороны, показывает конкретным адресатам, которыми – как явствует из названия стихотворения – являются персы (иранцы), свое глубокое понимание учения Заратуштры, а с другой – служит для Хлебникова средством выражения собственных мыслей о революции.

Д. В. Микульский (ИВ РАН) в докладе «Легенды в “Кашф ал-гумма ал-джами’ ли-ахбар ал-’умма”» проанализировал сочинение оманского ученого XVIII в. Сархана б. Са’ида Ибн Сархана Амбу’али, содержащее сведения по истории мусульманской общины Омана той эпохи. Помимо этого, автор «Кашф ал-гумма ал-джами’ ли-ахбар ал-’умма» (в переводе – «[Книга], рассеивающая печаль»), сторонник ибадизма (одного из направлений хариджизма), дал интересную интерпретацию всемирной истории, а также истории мусульманской общины с начала ее зарождения и истории хариджитских группировок, действовавших в различных частях арабо-мусульманского мира. Ярким элементом повествования здесь являются три легенды. Все они, по мнению автора исследования, носят этиологический характер. Первая из них объясняет появление идолопоклонства и, скорее всего, имеет сугубо книжное происхождение. Вторая легенда повествует о заселении Омана арабами и судьбе первых арабских правителей этой страны, а третья, также относящаяся к ранней истории Омана, повествует о появлении в Омани последователей ислама (в этой легенде, так же как и в первой, присутствует элемент сверхъестественного). По мнению докладчика, вторая и третья легенды, отмечающие ключевые пункты истории Омана, восходят, скорее всего, к оманскому фольклору, что свидетельствует об органической связи памятника как с книжной, так и с устной традициями.

Исследование И. Р. Саитбатталова и Ю. А. Саитбатталовой (БашГУ, Уфа) «Толкования к одной седьмой части Корана работы башкирских богословов 1-й половины XIX в.» посвящалось нескольким сочинениям, изданным в Казани между 1859 и 1885 гг. и озаглавленным «Китаб-и



шараф ма'аб Хафтийак тафсири турки тилинда» – «Книга подражания благородному – толкование к одной седьмой части Корана на тюркском языке». В современных каталогах и библиографических указателях они зачастую фигурируют под сокращенным названием «Хафтийак тафсири» («Толкование к одной седьмой части Корана»). Анализ изданий «Книги» показал, что наиболее ранним по времени написания является издание 1859 г., завершённое Бахади́ршахом ибн Суйаргулом ал-Гайнави ал-Каджмакти в 1805 г. В 1861 г. было впервые издано толкование, принадлежащее перу Абу-н-Насра Абд ан-Насира ал-Курсави (1776–1812). Третье издание (1885) вышло из-под пера суфийского поэта и историографа Тадж ад-Дина ибн Йалчигула (1867–1837) и было завершено около 1829 г. Эти *тафсиры* представляют собой «толкования на основе предания», однако различаются на всех уровнях. По мнению авторов доклада, первый и третий из названных текстов обладают большими литературными достоинствами и заслуживают более пристального исследовательского внимания.

М. М. Сахокия (Ин-т востоковедения Тб.ГУ, Грузия) в докладе «Иранское риторическое наследие: Ахемениды и "Шахнаме"» поделилась опытом работы над литературным переводом древнеперсидских ахеменидских надписей на грузинский язык, который показал определенную степень сходства их риторической традиции и средневекового персидского эпоса – поэмы Фирдоуси. Она отметила художественно-идеологическую общность двух различных и отдаленных во времени эпох, сходную систему риторических признаков, знаковых единиц; схожие парадигмы, образующие вертикальные ряды формул или системно повторяющихся семантических групп. Наличие семантических и лексических параллелей между ахеменидскими и сасанидскими надписями свидетельствует о культурно-идеологической общности трех эпохальных звеньев, риторически отображенной в соответствующих текстах, и позволяет говорить о преемственности риторической традиции в плане диахронии, передающей культурные и духовные ценности от эпохи к эпохе (даже при наличии определенного временного разрыва).

А. Кейдан (Ун-т Сапиенца, Италия), представивший доклад «Устная передача или рукописная традиция? Текстология грамматики Панини», отметил в нем актуальность, полноту и чистоту формального подхода, присущую Панини (ок. 400 до н. э.), но подчеркнул, что текстология самого «Восьмикнижья» (как переводится название *Aṣṭādhyāyī*) еще ждет своего исследователя. Широко распространено мнение о том, что статус этого текста, сравнимый со статусом Вед, позволил пронести его сквозь века фактически без изменений, причем в исключительно устной передаче (и даже, по мнению некоторых ученых, благодаря таковой). Доклад был посвящен обоснованию правомерности текстологического исследования грамматики Панини. Исходная предпосылка заключается в том,



что текст такого уровня сложности был написан неестественным языком (так, некоторые металингвистические символы состоят из цепочек сегментов алфавита, которые не только противоречат принципам санскритских сандхи, но зачастую являются фактически произносимыми уже с артикуляторной точки зрения). Исследователь привел примеры известных интерполяций, а также наиболее убедительные из гипотез о постепенном формировании текста грамматики.

Д. М. Тимохин (ИВ РАН), выступивший с сообщением «Сочинение Киракоса Гандзакеци “История” как предмет историографической дискуссии: происхождение и современное состояние», рассказал о проблеме языка написания оригинала отдельных памятников по истории Южного Кавказа в Средние века, а также этнического происхождения их авторов. Речь шла, в частности, о трудах Моисея Каланкатуйского, Мхитара Гоша, Киракоса Гандзакеци и др. Узловыми моментами оказалось этническое происхождение автора, а также язык первоначального текста источника – армянский или албанский. Именно вокруг двух этих ключевых моментов выстраивается стратегия полемики между современными историческими школами Армении и Азербайджана. Автор доклада отметил, что упомянутые исторические источники – лишь небольшая составляющая более значимой исторической дискуссии: присутствовал ли албанский этнос, религия и государственность на Южном Кавказе в Средние века или же он был полностью арменизирован, а то и вовсе перестал существовать. Отмечая важность понимания сути этой полемики для отечественных кавказоведов, вынужденных вольно или невольно принимать ту или иную сторону в данном вопросе, исследователь на примере сочинения Киракоса Гандзакеци постарался обозначить некоторые «болевые точки» данной дискуссии, максимально объективно рассмотреть доводы обеих сторон и выделить некоторые сложные вопросы, на которые, на его взгляд, до сих пор не дано вразумительного ответа.

Доклад М. В. Торопыгиной (ИВ РАН) «Средневековый японский гомункул в рассказе “О том, как Сайгё сделал человека в горах Коя”» был посвящен одному из произведений в составе сборника, создание которого долгое время приписывалось знаменитому поэту, буддийскому монаху Сайгё (1118–1190). Как отмечает исследовательница, эта гипотеза сейчас отвергнута, составитель остается неизвестным, временем создания произведения считается вторая половина XIII – первая половина XIV в. Сайгё превратился в легендарного героя почти сразу после смерти, и уже в середине XIII в. появилось произведение под названием “Сайгё монокатари эмаки”, объединившее основные легенды о нем. Автор доклада обратился к рассказу о том, как Сайгё удалось сделать существо, похожее на человека. В нем рассматривается ряд вопросов: почему возникает желание создать человека; наличие души



как признак человека; что делать с получившимся неудачным существом, у которого нет души, но облик человеческий, можно ли его просто разломать, или это равносильно убийству; овладение секретами магии; отказ героя от дальнейших попыток создать человека; сон как пространство общения с потусторонними силами.

Е. В. Тюлина (ИВ РАН) сообщение «Дхарма и Царь дхармы (Яма) в древнем и средневековом вариантах "Сказания о Савитри"» посвятила сочинению, не имеющему прямого отношения к основному повествованию «Махабхараты» и вставленного в него по типу так называемых обрамленных повестей. В «Матсья-пуране», средневековом эпическом памятнике, среди других пересказов древних эпосов «Махабхараты» и «Рамаяны» есть и пересказ «Сказания о Савитри», что дает возможность сравнить оба варианта и проследить динамику развития текста. Как показала докладчица, центральное место в обоих вариантах занимает диалог героини сказания Савитри и царя мертвых Ямы – своего рода словесный поединок, в котором победителем остается Савитри. Яма считался царем над царями и высшим знатоком дхармы (одним из его имен было Царь дхармы). Не случайно дхарме посвящен их диалог, и именно знанием дхармы Савитри побеждает царя мертвых. По наблюдению исследовательницы, древний и средневековый варианты сказания основаны на совершенно непохожих представлениях о дхарме. Кроме того, Савитри одолевает Яму с помощью своего красноречия, при этом каждый вариант сказания демонстрирует собственное представление о слове, его сакральной силе. Это проявляется и в изобразительных средствах исследуемых текстов, в эпитетах и описаниях героев.

Взглядам одного из виднейших иранских мыслителей XX в. был посвящен доклад Ю. Е. Фёдоровой (ИФ РАН) «Соотношение веры и знания: философский анализ Муртазы Мутаххари (1920–1979)». Этот мыслитель, крупный идеолог и сподвижник лидера исламской революции 1978–1979 гг. аятоллы Хомейни, руководствовался принципом главенствующей роли религии в иранском обществе и рассматривал ислам как религию, опорой которой служит разум. Основное внимание в докладе было сосредоточено на анализе проблемы веры (*иман*) и знания (*илм*), предложенном Мутаххари. Вера и знание у него не противопоставлены дихотомически, но представляют собой два взаимодополняющих понятия и осмысливаются как соотношение категорий «внешнее – внутреннее» (*даруни – бируни*). Мутаххари полагал, что утверждение единства веры и знания может быть достигнуто в рамках так называемого монотеистического мировоззрения (*джаханбини-и тавхиди*). Знание трактовалось им как необходимое условие религиозной веры (*иман-и мазхаби*), понимаемой как важнейшее «конституирующее» начало в человеке, иранском обществе и исламском государстве. Обращаясь к проблематике веры и знания, получившей развитие в раз-



работанной им концепции монотеистического мировоззрения, Мутаххари преследовал важную цель – обосновать принцип *тавхид*, утвердить единство и единственность Бога и тем самым заложить основы идеологии исламской республики.

М. В. Фролова (ИСАА МГУ) в докладе «Яванские реалии XVII в. в “Роро Мендут” Аипа Росиди» рассмотрела проблему трансформации образов и мотивов популярного фольклорного текста о любви Роро Мендут и Проночитро в литературной обработке индонезийского писателя середины XX в. Как отметила исследовательница, первая письменная фиксация этого яванского фольклорного текста датируется 1820 г. и представлена печатными изданиями 1873 и 1888 гг., а также сценарием для театра *ваянг оранг* (1898). В 1920 г. «Роро Мендут» публикуется издательством «Балэй Пустака», в 1930-х гг. переводится на нидерландский и индонезийский языки. На основе устного предания и опубликованных текстов в 1960 г. сунданец Аип Росиди создает свой авторский перевод-переложение. Роман снабжен глоссарием, так как его лексика частично стилизована под яванскую старину, при этом текст доступен пониманию современного читателя. Аип Росиди сохраняет многие реалии времени действия, эпохи правления Султана Агунга, репрезентативной для понимания синкретической яванской культуры, уже познавшей ислам, но сохранившей доисламский уклад жизни и обычаи. Красочные сцены петушиных боев, азартных игр, шумных попок и пиров, придворных танцев, описания традиционной одежды, представлений оркестра *гамелан* и театра теней *ваянг*, воссоздают в слове неповторимую атмосферу яванского мира XVII в.

В сообщении А. Г. Хайрутдинова (Ин-т истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан) «Проект независимого перевода образов Корана на русский язык и его особенности» речь шла об инициативе, начало которой было положено в 2009 г. под руководством А. Р. Бахтиярова. «Независимый перевод образов» подразумевал методологический подход, согласно которому образы Корана раскрываются посредством самого Корана. Он потребовал критического осмысления существующих переводов и *тафсиров*, что, по мнению участников проекта, повысило объективность перевода. Помимо прочего, данный методологический подход реализован в особой форме представления материала. На левой стороне каждого альбомного разворота расположена таблица, содержащая: 1) арабский текст Корана; 2) транслитерацию арабских слов кириллицей, 3) дословный перевод (подстрочник) каждого слова. На правой стороне разворота располагается наиболее близкий к смысловому содержанию оригинала перевод образов соответствующего коранического фрагмента. В 2013 г. была издана первая часть перевода, включающая первые 19 сур Корана, что составляет около половины от его общего объема [1]. В 2017 г. в Интернете была размещена последняя редакция



перевода 2013 г. [2] В настоящее время работа над переводом образов Корана близится к завершению.

Н. А. Чеснокова (РГГУ, НИУ ВШЭ), выступившая с докладом «"Пэктусанский большой ствол" (*Пэкту тэган*) в корейских историко-географических сочинениях XVII–XVIII вв.» [3], посвятила его изучению идеи единства гор Корейского полуострова, впервые появившейся в указанный период. Суть ее заключалась в том, что все горные гряды Корейского полуострова представляли связанными с горой Пэктусан – самой большой из всех гор полуострова. Идея *Пэкту тэган* впервые получила отражение в произведении «Описание избранных деревень» (*Тхэнниджи*, 1751 г.) опального ученого Ли Джунхвана (1690–1756?) и вскоре приобрела популярность и была «доработана» в труде «Описание гор» (*Сангёнпхё*), приписываемом придворному географу Син Гёнджу (1712–1781). Как отметила автор доклада, идея о единстве гор повлияла на восприятие всего полуострова как единого организма. В начале XX в., перед японской колонизацией, она была развенчана японскими географами; но корейцы так и не отказались от нее, и вплоть до настоящего времени *Пэкту тэган* является одним из символов объединенной Кореи. В докладе были рассмотрены как сама концепция и ее доказательная база, так и вопрос о роли *Пэкту тэган* в формировании нового культурного пространства в Дальневосточном регионе в XVII–XVIII вв. в условиях подъема корейского самосознания и отказа от навязываемой извне культуры цинского Китая. Источниками для написания статьи послужили географические труды XVII–XVIII вв., корейские королевские летописи, а также корейские географические карты.

М. Симидчиева (Йоркский ун-т, Торонто, Канада) в докладе «Зороастрийская мифология и иранский модернизм в "Слепой сове" Садега Хедаята» рассмотрела элементы зороастрийского мировидения в творчестве иранского писателя Садека (Садега) Хедаята (1903–1951) и их литературную трансформацию в его модернистском романе «Слепая сова» (опубл. в 1936/37 г.). Исследовательница отметила присущую этому роману двойственность мира, с его протагонистами и множеством их «двойников» или «духов семьи», в ее соотношении с традиционным дуализмом иранского мифологического мировоззрения, и высказала предположение о значимости таких заимствований для Хедаята.

В докладе «"Известия о Китае и об Индии" и не только: Малайско-Индонезийский регион в арабском источнике IX–X вв.» А. А. Янковская (МАЭ РАН) проанализировала один из ранних арабских текстов, упоминающих острова Малайского архипелага и Малаккский полуостров. Это сочинение, состоящее из двух частей – анонимного текста, датированного серединой IX в., и текста X в. автора Абу Зейда ас-Сирафи, – содержит разнообразные сведения о восточных берегах Индийского океана. Среди них – не только свидетельства об Индии и Китае, но и описания портов



и островов, расположенных вдоль морских путей через Юго-Восточную Азию. Наряду с китайскими династийными хрониками книга входит в число наиболее ранних источников по истории и исторической географии Малайско-Индонезийского региона, причем обе части сочинения содержат сведения о западной части малайского мира – Суматре, Яве и Малаккском полуострове. В первой части описаны маршруты ближневосточных кораблей через Бенгальский залив, Малаккский и, возможно, Зондский проливы, тогда как в тексте Абу Зейда рассказывается о походе Шайлендров на Камбоджу, вероятно, восходящем к концу VIII в. В докладе были рассмотрены эти свидетельства, а также упоминаемые в них топонимы, применявшиеся средневековыми арабскими географами и путешественниками к островам Малайского архипелага и побережью Малаккского полуострова.

С. А. Качан (независимый исследователь), выступивший с докладом «Образ Антиноя: синтез греко-римских и египетских религиозных представлений», рассказал о культе, установленном в Египте (в основном в Фиваиде) в середине II в. по приказу императора Адриана в честь его фаворита – Антиноя. Теология и образ «нового» бога были зафиксированы в иероглифических текстах обелиска Барберини. На основе изучения данного памятника докладчик показал, какие черты образа Осириса-Антиноя позволяли сопоставить его с императором, какие возможные эллинистические влияния оказали воздействие на теологию «нового» бога. Исследователь предложил также новое прочтение некоторых частей текста обелиска Барберини.

Доклад «Существовала ли “исфаганская школа”?» представил Я. Эшотс (Ин-т исмаилитских исследований, Великобритания). Он отметил, что этот термин введен в научный оборот в 1950-х гг. Анри Корбеном, подразумевавшим под ним философско-гностическое движение, опекаемое Шахом Аббасом I и процветавшее в эпоху его правления (1588–1629). По мнению Корбена, ключевые фигуры этой школы – Мир Дамад (ум. в 1631 г. или 1632 г.) и Мулла Садра (ум. в 1640 г.) – оказали решающее влияние на последующее интеллектуальное развитие Ирана. Бытовало мнение, что Мулла Садра был самым выдающимся учеником Мира Дамада, учение которого он развил и усовершенствовал. Однако на самом деле Садра отверг все ключевые положения учения Дамада, в частности учение о метавременном создании (*ал-худус ад-дахри*) и положение о сотворенности «чтойности» (*мадж’улийят ал-махийа*). В свою очередь, ключевые элементы доктрины Садры (учение о субстанциальном движении и положение об аналогичной градации бытия) были недвусмысленно отвергнуты Дамадом. Таким образом, подчеркнул исследователь, Садра, бывший некогда учеником Дамада, не входил в его ближний круг: учитель и ученик не разделяли ключевые философские убеждения друг друга.



Секция «Образ Йусуфа (Иосифа Прекрасного) в литературах и искусстве Востока»

Об одном из самых малоизученных и загадочных экспонатов Санкт-Петербургского Музея-квартиры Л. Н. Гумилёва рассказали ее сотрудник *А. В. Бондарев* и *Н. И. Пригарина* (ИВ РАН). Речь идет о так называемой «Персидской миниатюре», впервые упоминаемой в одном из писем А. А. Ахматовой сыну: «Мне подарили персидскую миниатюру XVI века невообразимой красоты. Вокруг нее стихотворная надпись, кажется, позднейшая. Призванный для этого специалист прочел и перевел ее». Как бы случайно брошенные А. Ахматовой слова о миниатюре были на самом деле глубоко продуманным символическим жестом: дата написания письма – 3 апреля 1956 г., сообщение о персидской миниатюре иносказательно говорило сыну о семидесятилетней годовщине со дня рождения отца, Н. С. Гумилёва. Напрямую сыну, отбывающему наказание в системе ГУЛАГа, об этом писать было невозможно: любое упоминание имени Николая Гумилёва, расстрелянного по обвинению в контрреволюционном заговоре против советской власти, имело бы самые негативные последствия и для опальной А. Ахматовой, и для Л. Гумилёва, осужденного на лагерный срок «за принадлежность к антисоветской группе, террористические намерения и антисоветскую агитацию».

После освобождения в мае 1956 г. и возвращения Л. Гумилёва из лагеря Ахматова подарила ему эту миниатюру. В надписях, обрамляющих композицию, содержатся 24 поэтических фрагмента. В них наиболее часто встречаются строки из главы 7 поэмы Джамии «Йусуф и Зулайха». Последовательное прочтение 24 фрагментов дает связный текст, вступающий во взаимодействие с сюжетом миниатюры – это рассказ о любви, исполненной страданий. Опора на текст Джамии позволяет предположить, что в композиции миниатюры отражена коллизия объяснения Зулайхи в любви к Йусуфу.

Докладчики сообщили и другие подробности, касающиеся дара А. А. Ахматовой. По имеющимся сведениям, для перевода текста был «призван» А. Н. Болдырев. Возникает гипотетическая связь дарения миниатюры А. Ахматовой Л. Гумилёву с ее знакомством с содержанием стихотворного обрамления. Письмо Ахматовой с рассказом о миниатюре уже дышит тайной материнской любви к своему сыну, обреченному на тяжелые испытания в лагере, и напоминанием об отце, имя которого было под запретом. Можно высказать предположение, что подарок сыну несет объяснение в любви и описание страданий матери, душа которой «дошла до крайности» в своей печали, а «речам не осталось места».

Ф. Абдуллаева-Мелвилл (Кембриджский ун-т, Великобритания) говорила об интерпретации современными художниками тем и мотивов,



популярных в классической персидской литературе. Основное внимание она сосредоточила на сюжетах (как литературных, так и изобразительных), связанных с различными версиями коранической легенды о Йусуфе (Иосифе) и Зулайхе (жене Потифара), наряду с их доисламскими иранскими эквивалентами – такими как Сиявуш и Судаба в «Шахнаме» Фирдоуси; эллинистическая Федра; библейская жена Потифара и некоторые другие. Среди упомянутых ею художников были Фарах Оссули, Сиамак Филизаде и Хамид Хемаятян.

Тему продолжил доклад Ч. Мелвилла (Кембриджский ун-т, Великобритания) «Йусуф и Зулайха: “бродячие” образы», в котором были рассмотрены миниатюры, изображающие один сюжет из предания о Йусуфе и Зулайхе в различных рукописях XV–XVI вв. Они иллюстрируют эпизод, когда брошенный братьями в колодец Йусуф был обнаружен купцами из проходившего мимо каравана, которые опустили в колодец ведро и достали оттуда мальчика. Как правило, иллюстрации отражают либо сцену пребывания Йусуфа в колодце, когда его охраняет Джабраил, либо момент, когда он появляется из колодца с огненным ореолом над головой. Обычно они связаны с текстом, и их число примерно одинаково. Сходный мотив из истории Бижана и Маниже можно обнаружить в иллюстрациях к «Шахнаме». Однако иконография Бижана в колодце отличается от иконографии Йусуфа, равно как и соотношение иллюстраций: как правило, изображается его нахождение в колодце, а его появление из колодца – гораздо реже. Как отметил докладчик, дальнейшее исследование должно показать хронологические и иконографические связи между этими иллюстрациями, а также зависимость изображения от вербального контекста разных произведений, таких как «Истории пророков», а также хроники Хафиза Аbru, Мирхонда и Хондемира (XV – начало XVI в.).

Н. Ю. Чалисова (ИВКА НИУ ВШЭ), представившая доклад «“Пропавший Йусуф”: о формуле *yūsuf-i gumgašta* в персидской газели», отметила, что история Йусуфа, изложенная в Коране и дополненная в *тафсирах* и рассказах о пророках, принадлежит к числу продуктивных коранических ресурсов персидской поэзии. В больших поэмах главным был смысл этой истории в целом, а ее сюжет в процессе нарративизации постепенно усложнялся и обрастал деталями; в лирике, особенно в газели, по мере поэтизации отдельных элементов сюжета формировался «йусуфовский» кластер конвенционального языка. Такие выражения, как «рубашка Йусуфа», «колодец Йусуфа», «аромат Йусуфа», «глаза Йа‘куба» и т. д., по мере накопления контекстов употребления на протяжении веков семантически обогащались и трансформировались. Как отметила автор доклада, исследование характера семантических дериваций и смыслового наполнения подобных формул – одна из задач герменевтики персидской газели. Обратившись к выражению *yūsuf-i gumgašta* («пропавший



Йусуф»), она отметила, что его ввел в поэтический обиход Амир Хусрав Дихлави (1253–1325), а в газелях Хаджу-йи Кирмани (1280–1352) оно употребляется многократно и приобретает завершенность поэтической формулы, обозначающей «сгусток смысла». Шамс ад-Дин Мухаммад Хафиз (1325–1389), состоявший с Хаджу в поэтической переписке, использовал эту формулу Хаджу в знаменитой газели «Пропавший Йусуф вернется в Кан'ан, не печалься...». Этот бейт, вошедший в поговорку, которой утешают всех разлученных с любимыми, вызвал множество разноречивых комментариев из-за расхождения с коранической историей, в которой Йусуф не возвращается на родину. В завершение доклада исследовательница предложила свой вариант возможной трактовки данного бейта в интертексте газелей Хаджу.

В докладе *Л. Г. Лахути* (ИВ РАН) «Рассказы о Йусуфе в поэмах-маснави 'Аттара» было показано, как в суфийских поэмах-маснави Фарид ад-Дина 'Аттара (XII–XIII вв.) использованы возможности, которыми наделила персидскую поэзию история прекрасного и праведного Йусуфа. Ею рассматриваются метафоры, сравнения и аллюзии, намекающие на некоторые узловые элементы рассказов о Йусуфе, контексты, в которые они встроены, и то, как они используются персонажами поэм 'Аттара в качестве аргумента для оправдания собственной позиции или опровержения позиции собеседника. Также докладчица проследила, как сюжеты, связанные с Йусуфом, в том числе заимствованные из «Историй пророков» (встреча Йусуфа и Йа'куба, встреча Йусуфа с братьями, развитие коранического рассказа о Йусуфе и Зулайхе и др.), служат для 'Аттара средством выражения идей, которым посвящены соответствующие главы его поэм.

О превращении библейской и коранической истории Иосифа (Йусуфа) в «вечный сюжет» говорилось в докладе *М. Л. Рейснер* (ИСАА МГУ) «История Йусуфа: как складывался романический нарратив». Она отметила, что эта история прошла несколько этапов. В изначальной версии предания были заложены богатые возможности для литературных переработок, построения увлекательного сюжета. В иудейской традиции поначалу основным источником расширения повествовательного горизонта выступали комментарии Агады, популярного толкования нарративных частей Библии. Именно в ее рамках в рассказе об Иосифе появляются признаки логически выстроенного повествования, а история начинает обрывать элементами чудесного, ставшими в последующих версиях постоянным атрибутом изложения. В Коран, таким образом, вошло известное сказание, прошедшее первую стадию литературной обработки. Следующая ступень беллетризации уже в мусульманской экзегетике, в частности в популярных сочинениях, объединенных общим названием «Истории пророков», продолжила стратегию первого этапа. Развитие нарративной техники проявилось



не только во включении в рассказ разъяснений логики событий и поведения персонажей, но и в добавлении новых эпизодов, повествующих о чудесах, а также в появлении чисто романических персонажей (например, няньки – наперсницы главной героини), введении диалогов. На этом фундаменте и слагаются поэмы, развивающие как перечисленные, так и иные способы построения романического нарратива, подчеркнула исследовательница.

Заключение

В завершение этого обзора следует упомянуть о сложившейся в последние два года практике публикации материалов конференций и семинаров, организуемых Отделом памятников письменности народов Востока Института востоковедения РАН, издательским отделом института. К моменту открытия конференции 2018 г. вышли из печати тезисы докладов ее участников [2], а также очередной тематический выпуск «Трудов Института востоковедения РАН» – «Письменные памятники Востока: проблемы перевода и интерпретации. Том II» [3], где были опубликованы избранные доклады из числа прочитанных на конференциях и семинарах 2017–2018 гг.



Рис. 2. Заключительное заседание конференции. Фото М. Д. Симидчиева

Fig. 2. The last session of the conference. Photo by Marta Simidchieva



Литература

1. Бахтияров А. Р. (ред.) *Коран. Перевод образов с арабского языка с подстрочником и транслитерацией*. Т. 1. М.: Вече; 2013. 1060 с.
2. Горяева Л. В., Настич В. Н. (сост.) *VIII Международная проблемно-методологическая конференция «Письменные памятники востока: проблемы перевода и интерпретации»*. (К 200-летию Института востоковедения РАН). 31 октября – 2 ноября 2018 г. М.: ИВ РАН; 2018. 54 с.
3. Горяева Л. В., Настич В. Н. (ред.) *Труды Института востоковедения РАН*. Вып. 2: Письменные памятники Востока: Проблемы перевода и интерпретации. Избранные доклады. М.: ИВ РАН; 2017. 336 с.

References

1. Bakhtiyarov A. R. (ed.) *The Holy Qur'an Translation of ideas. Translated from Arabic with interlinear translation, transliteration and commentaries*. Vol. 1. Moscow: Veche; 2013. (In Russ.)
2. Goriaeva L. V., Nastich V. N. (eds) *8th International Meeting “The Written Heritage of the East: their translations and interpretations. Papers presented on occasion of the 200th Anniversary of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy 31 October – 2 November 2018*. Moscow Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; 2018. (In Russ.)
3. Goriaeva L. V., Nastich V. N. (eds) *Institute of Oriental Studies. Collection of Papers*. Issue 2: The Written Heritage of the East: their translations and interpretations. Selected papers. Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; 2017. (In Russ.)

Информация об авторах

Горяева Любовь Витальевна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела памятников письменности народов Востока, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Пригарина Наталья Ильинична, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Отдела памятников письменности народов Востока, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

Liubov V. Goriaeva, Ph. D (Philol.), Leading Research Fellow at the Department of Oriental Written Sources, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Natalia I. Prigarina, Ph. D habil. (Philol.), Professor, Head Research Fellow at the Department of Oriental Written Source, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Advisor to the periodical *Orientalistica*, Moscow, Russian Federation.

Conflicts of Interest Disclosure

The authors declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 3 декабря 2018 г.
Принята к публикации: 14 декабря 2018 г.

Article info

Received: December 3, 2018
Accepted: December 14, 2018